

Михаил Юрьевич Федосюк

*Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

## Концепция В. фон Гумбольдта как возможная методологическая основа лингвистики XXI века<sup>1</sup>

**Ключевые слова:** В. фон Гумбольдт, системная лингвистика, индоевропейские языки, русский язык, языковой коллектив, развивающееся событие, аналитическая конструкция, синтаксическая метафора

**Key words:** W. von Humboldt, systemic linguistics, Indo-European languages, Russian language, language community, developing event, analytical structure, syntactic metaphor

### Abstract

The article shows that the basis of the methodological conception of Linguistics of the 21st century can be built on a creatively rethought linguistic conception of W. von Humboldt. In this approach the peculiarity of the device in any language should be considered as a set of features which is caused by typical communicative needs of the linguistic community and depends on its size, the degree of homogeneity and continuous or intermittent nature of communication between its members.

Позволю себе начать эту статью с одного личного воспоминания. Когда я учился в аспирантуре, мой научный руководитель профессор Владимир Константинович Журавлев (1922–2010), стремясь предостеречь своих аспирантов от любых отвлечений от целенаправленной работы над кандидатскими диссертациями, часто повторял: «Имейте в виду: лингвистика – дама ревнивая, и измен она не прощает».

Впоследствии я убедился, что лингвистика – действительно дама, поскольку она не только ревнива, но еще и очень любит моду. На протяжении последних пяти десятилетий наша наука неоднократно почти полностью отбрасывала свои прежние сферы исследования и с энтузиазмом обращалась

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00145 «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

к новым, более модным сферам и методам. На смену воодушевлению, которое вызывало у многих лингвистов построение структурного описания языка, пришло увлечение исследованием актуального членения предложения и анализом разговорной речи, затем – лингвистикой текста, позднее – теорией референции, после чего – лингвистической прагматикой и теорией речевых жанров. В наши дни наиболее модной лингвистической проблемой является изучение концептов [Федосюк 2010], однако, по-видимому, очень скоро ему на смену придет что-то другое.

При этом проблема, на мой взгляд, состоит не в самих частых сменах объектов исследования, а в том, что под влиянием изменчивой моды каждый прежний объект остается исследованным совсем не до конца [Мечковская 2006]. О том, что нам далеко не полностью понятно, например, что такое актуальное членение предложения, свидетельствуют те колебания и затруднения, которые непременно возникнут и у студентов, и у преподавателя, если последний рискнет предложить им для анализа актуального членения не заранее заготовленные, а произвольно взятые предложения какого-нибудь текста. Признанным всеми лингвистами компонентом лингвистики текста, к сожалению, до сих пор остается лишь тот тривиальный факт, что каждое из предложений текста, как правило, бывает связано с предшествующими предложениями посредством союзов, местоимений, лексических и грамматических повторов или синонимов. Несмотря на значительное число публикаций по проблеме речевых жанров, по-прежнему остается открытым вопрос о том, как организована система жанров русской речи и какое количество речевых жанров она включает.

Это перечисление легко продолжить, но и без такого продолжения вполне можно согласиться с утверждением о методологическом срыве, содержащемся в названии конференции «Лингвистический анализ на грани методологического срыва», для которой был подготовлен нижеследующий текст. В своей статье я хотел бы предложить в качестве возможной методологической основы лингвистики XXI в. лингвистическую концепцию выдающегося языковеда XIX в. Вильгельма фон Гумбольдта.

По моему мнению, в качестве основных положений лингвистической концепции Гумбольдта есть основания назвать следующие утверждения:

**1. Язык представляет собой не субстанцию мышления, а средство передачи мыслей.** Напомню, что Гумбольдт писал:

Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие

расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова [Гумбольдт 1984: 165–166].

**2. Каждый язык обладает своей особой внутренней формой – специфическим для него механизмом, позволяющим передавать мыслительное содержание.** Вот, что сказано по этому поводу у Гумбольдта:

Постоянное и единообразное в [...] деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет ф о р м у я з ы к а.

При таком определении форма языка предстает как бы плодом научной абстракции. Было бы, однако, совершенно неправильным рассматривать ее в качестве таковой, то есть как продукт ума, не имеющий реального бытия. В действительности же она представляет собой сугубо индивидуальный порыв (*Drang*), посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства [Гумбольдт 1984: 71].

**3. Развитие любого языка бывает не стихийным, а подчиненным некоему единому «преобладающему началу».** Об этом у Гумбольдта написано так:

В самом деле, всякий раз, когда нация – или вообще сила человеческой мысли – усваивает те или иные элементы языка, она даже непроизвольно, без отчетливого осознания того, что сама делает, должна сочетать их в единство; и без этого акта было бы невозможно ни мышление посредством языка в индивидуе, ни взаимопонимание между индивидами. Именно это пришлось бы принять в качестве предпосылки, если бы нам удалось подняться к первым истокам языка. Но указанное единство может существовать лишь как единство какого-то одного преобладающего начала, исключаяющего все прочие [Гумбольдт 1984: 158].

**4. Своеобразие устройства любого языка обусловлено особенностями «национального духа» данного народа.** Гумбольдт утверждал:

Он [язык. – *М. Ф.*] всеми тончайшими нитями своих корней сросся [...] с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации (*Wirkung des nationellen Sprachsinns*), и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, – а ведь именно тут мы подходим к истокам важнейших языковых различий, – вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности [Гумбольдт 1984: 47].

Разумеется, все перечисленные утверждения Гумбольдта нуждались в более четких обоснованиях, детализации и развитии, однако, к сожалению, постгумбольдтианская лингвистика пошла по иному пути – пути, избранному почти всеми науками второй половины XIX и значительной части XX в. Это был путь позитивизма. Напомню, что позитивизм – это

[...] направление в философии и науке [...], которое исходит из «позитивного», т. е. из данного, фактического, устойчивого, несомненного, и ограничивает им свое исследование и изложение, а метафизические объяснения считает теоретически неосуществимыми и практически бесполезными. Вопрос, ответ на который не может быть проконтролирован, верифицирован в опыте, позитивизм называет «псевдвопросом» [Краткая... 1994: 348].

Позитивизм возник в XIX в. под влиянием бурного развития точных наук, и его несомненным достоинством является стремление к точности научного описания. В то же время очевидный недостаток позитивизма состоит в том, что всё, что невозможно охарактеризовать абсолютно точно и достоверно, неоправданно исключается из сферы науки.

Под влиянием обусловленного позитивизмом стремления к точности научного описания в ущерб его полноте основные положения постгумбольдтианской лингвистики оказались во многом противоположными перечисленным выше тезисам Гумбольдта. Разумеется, излагаемые ниже постулаты языкознания второй половины XIX, а также XX в. в разное время формулировались по-разному и разделялись далеко не всеми лингвистами, однако в самом общем виде их можно представить так:

**1. Язык представляет собой субстанцию мышления.** Вот только одна из цитат, отражающих вытекающую из этого тезиса широко известную гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа:

Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества [Сепир 1993: 261].

**2. Слова языка могут обладать внутренней формой, т. е. осознаваемой говорящими мотивированностью их значений либо значениями составляющих данные слова морфем, либо первоначальными значениями этих слов.** Как известно, раскрывая понятие «внутренняя форма языка», В. фон Гумбольдт иллюстрировал его в частности примерами, касающимися внутренней формы отдельных слов. Так, он писал:

[...] Слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разных понятия [Гумбольдт 1984: 103].

И хотя после этого следовала оговорка:

Было бы, впрочем, односторонне думать, будто национальное своеобразие духа и характера проявляется только в образовании понятий; оно оказывает столь же сильное влияние и на построение речи, и это сразу бросается в глаза [Гумбольдт 1984: 105],

последователи В. фон Гумбольдта, и прежде всего Г. Штейнталь и А. А. Потемня, сосредоточили свое внимание на внутренней форме не всего языка, а исключительно слов.

**3. Развитие любого языка подчиненно непредсказуемому взаимодействию сложного комплекса разнородных факторов.** Вот, например, как это взаимодействие описано у М. В. Панова:

В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе – того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка [Панов 2007: 17].

**4. Своеобразие устройства любого языка обусловлено особенностями менталитета данного народа.** Иллюстрацией этого положения могут служить, например, исследования А. Вежбицкой, согласно которым многие особенности русского языка вытекают из четырех свойств русского национального характера – эмоциональности, «иррациональности», неагентивности и любви к морали [Вежбицкая 1996].

Нетрудно продемонстрировать, что все только что приведенные тезисы в определенной степени обусловлены характерным для позитивизма стремлением ограничить круг описываемых объектов только хорошо доступными для наблюдения феноменами, а выводы – лишь легко верифицируемыми утверждениями. К примеру, исходить из того, что субстанцией мышления является хорошо знакомый нам язык, гораздо проще, чем выдвигать гипотезы о каком-либо другом устройстве мышления, а говорить о хаотичном взаимодействии разнородных факторов, которые влияют на язык, значительно легче, чем строить предположения о некой единой тенденции, которой подчинено развитие каждого конкретного языка.

Разумеется, сказанное не отрицает ценности результатов тех наблюдений, которые были накоплены лингвистикой XIX–XX вв., но в то же время делает актуальным вопрос о включении всех этих результатов в более широкий теоретический контекст. На мой взгляд, такой контекст может составить концепция системной лингвистики, разработанная современным последователем В. фон Гумбольдта – российским ученым Геннадием Прокопьевичем Мельниковым (1928–2000).

Основные положения системной лингвистики либо совпадают, либо перекликаются с положениями лингвистической концепции Гумбольдта и могут быть описаны следующим образом:

**1. Язык представляет собой не субстанцию мышления, а средство передачи мыслей.**

**2. Каждый язык обладает своей особой внутренней формой – специфическим для него механизмом, позволяющим передавать мыслительное содержание.**

**3. Развитие любого языка не стихийно, а подчинено некоему единому «преобладающему началу» – «внутренней детерминанте» языка.**

**4. Своеобразие устройства любого языка обусловлено не особенностями менталитета, а типичными коммуникативными потребностями, возникающими в данном языковом коллективе и зависящими от его размеров, степени однородности и постоянным или прерывистым характером общения между его членами.**

Как утверждал Мельников, и н к о р п о р и р у ю щ и е языки складываются под влиянием коммуникативных потребностей небольших коллективов охотников-собираателей; а г г л у т и н а т и в н ы е языки характерны для коллективов животноводов-кочевников, контакты между членами которых периодически прерываются в связи с выпасом скота на летних пастбищах; ф л е к т и в н ы е с и н т е т и ч е с к и е языки отвечают потребностям больших однородных оседлых коллективов земледельцев, которые остро заинтересованы в высокой помехоустойчивости языка, жизненно необходимой для многоступенчатого распространения внутри всего коллектива социально значимой информации; наконец, ф л е к т и в н ы е а н а л и т и ч е с к и е и в особенности и з о л и р у ю щ и е языки формируются в неоднородных языковых коллективах, где легкое поддержание текущих контактов оказывается гораздо важнее помехоустойчивости [Мельников 2000; 2003а; 2003б; 2012].

По наблюдениям Г. П. Мельникова, первоначально все индоевропейские языки вырабатывали в себе свойства, необходимые для языков больших однородных земледельческих коллективов, однако с течением времени многие из этих языков попали в условия смешения разноязычных народов и были вынуждены развивать технику аналитизма. Что же касается русского языка, то, отличаясь от других индоевропейских языков очень высокой численностью носителей, их однородностью и большой территорией распространения, он реализовал все исходно характерные для индоевропейских языков тенденции наиболее полно и последовательно.

Суть упомянутых тенденций состоит в постоянном совершенствовании тех свойств языка, которые направлены на высокую предсказуемость продолжения любого высказывания и таким образом позволяют слушающему постоянно проверять, правильно ли он воспринимает передаваемую ему информацию.

Когда я рассказываю о концепции Г. П. Мельникова студентам, то после слов *Суть упомянутых тенденций состоит в постоянном совершенствовании тех свойств языка, которые направлены на высокую...* я делаю длинную паузу, как будто бы забыл, какое слово хочу произнести дальше, и обычно слушатели начинают мне услужливо подсказывать: «Высокую помехоустойчивость?», «Информативность?», «Распознаваемость?». Возможность таких

подсказок, которую, между прочим, предоставляет и большинство других славянских языков, но не дают многие романские и германские языки, как раз и иллюстрирует ту самую высокую предсказуемость языков больших однородных оседлых языковых коллективов, о которой идет речь.

Не останавливаясь за недостатком места на всех проявлениях этой высокой предсказуемости продолжения высказывания, проиллюстрирую ее на примере только одного предложения. После каждой из словоформ этого предложения в квадратных скобках указано, какую следующую языковую единицу она прогнозирует.

*Мой* [→ муж. род. + ед. ч. + И. п.] *старший* [→ муж. род. + ед. ч. + И. п.] *брат* [→ обозначение действия + ед. ч. + 3-е лицо наст. или буд. времени или муж. род. прош. времени] *вошел* [→ в + В. п.] *в свою* [→ жен. род + ед. ч. + В. п.] *комнату*.

На уровне выбора модели предложения прогнозируемость продолжения предложения обеспечивается тем, что подавляющее большинство русских предложений строятся не как сообщения о текущем состоянии какого-либо известного говорящему и слушающему объекта, например *Теленок теперь дома благодаря пастуху* (здесь трудно предвидеть, какие слова последуют после слова *теленок*), а как описания действия некоего активного субъекта, т. е. по модели *Пастух пригнал теленка домой*. При установке на описание любого события как действия словоформа *пастух* заставляет слушающего ожидать, что дальше последует обозначение какого-либо действия, а словоформа *пригнал*, в свою очередь, побуждает его прогнозировать то, что далее будет указан объект действия, а затем место, куда этот объект был пригнан. Соответствие воспринимаемого высказывания первоначальному прогнозу свидетельствует о правильности понимания, а несоответствие прогнозу – напротив, оценивается адресатом как сигнал о том, что в процессе коммуникации были допущены какие-либо ошибки и что необходимо попросить адресанта уточнить сказанное.

Таким образом, в русском и других славянских языках гораздо в большей степени, чем в прочих индоевропейских языках, развилась установка на описание любых ситуаций как активных действий. Совершенно очевидно, что именно привычка к тому, что любые ситуации описываются русским языком преимущественно как действия, заставляет нас даже к сказуемым таким предложениям, как *Сестра спит* или *Ребенок болеет*, ставить вопрос *Что делает?*, хотя сон или болезнь являются совсем не действиями, а состояниями.

Однако как быть, если возникает необходимость передать сообщение не о действии, а о статическом положении дел, например о существовании в некотором месте какого-нибудь объекта? Как показывают наблюдения, в подобных ситуациях русский язык может использовать две разновидности средств. В одних случаях он отказывается от применения характерных для него синтетических грамматических способов и обращается к простому соположению начальных форм слов, т. е. к использованию таких аналитических

конструкций, как *Пушкин – поэт* или *Сегодня мороз*, которые Ф. Ф. Фортунатов именовал неграмматическими словосочетаниями [Фортунатов 1956: 453]. В других случаях язык прибегает к использованию синтаксических метафор, образно обозначающих статические ситуации как действия.

Если говорить более конкретно, то аналитический способ информирования о существовании предметов или явлений реализуют русские номинативные предложения. Этот способ наиболее часто используется либо в поэзии (вспомним, например, стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» или строки А. А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека, // Бессмысленный и тусклый свет...»), либо в драматургических ремарках.

Что же касается русских прозаических текстов, то в них в качестве носителей сообщений о существовании предметов гораздо чаще выступают синтаксические метафоры. Проанализируем следующий пейзажный фрагмент из повести А. С. Пушкина *Капитанская дочка*:

Белогорская крепость *находилась* в сорока верстах от Оренбурга. Дорога *шла* по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно *чернели* в однообразных берегах, *покрытых* белым снегом. За ними *простирались* киргизские степи.

Нетрудно увидеть, что здесь сообщается о простом существовании в описываемой действительности, во-первых, Белогорской крепости, во-вторых, дороги, в-третьих, черных вод реки, в-четвертых, снега и, наконец, в-пятых, киргизских степей. Однако это существование метафорически описывается как ряд процессов, соответствующих глаголам *находиться* (т. е. этимологически ‘находить себя’), *идти*, *чернеть*, *покрыть* и *простираться*.

Аналогична описанной и ситуация с построением сообщений о принадлежности предметов к определенным классам. В русских художественных и разговорных текстах для этой цели обычно используются аналитические конструкции типа *Пушкин – поэт*, например:

– *Вы – писатель?* – с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– *Я – мастер*, – он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М» [М. А. Булгаков, *Мастер и Маргарита*].

Однако то же самое содержание может быть выражено по-русски и синтетически – при помощи метафоры действия. Правда, в данном случае использование метафорического способа передачи содержания характерно не для художественных, а для официально-деловых или научных текстов, где вполне обычны предложения типа *Я являюсь мастером* или *Луна представляет собой спутник Земли* (не будем забывать, что прямое значение глагола *являться* – это ‘приходить, прибывать куда-либо’, а прямое значение глагола

представлять – ‘вручать для ознакомления’, тогда как их употребление в приведенных примерах основано на метафорическом переосмыслении).

Статические положения дел представляют собой и состояния тех или иных лиц или пространств. Описывая состояния, русский язык может использовать составные именные сказуемые, включающие в свой состав прилагательные, типа *Он рад/грустен/горд/зол*, но может прибегать и к простым глагольным сказуемым типа *Он радуется/грустит/гордится/злится*, а также *Он боится/скушает/беспокоится/негодует*. Сопоставляя английский язык, в котором эмоциональные состояния в подавляющем большинстве случаев обозначаются при помощи сказуемых-прилагательных, с русским языком, где при обозначении состояний широко используются простые глагольные сказуемые, А. Вежбицкая утверждает, что это прямое следствие того, что русскому национальному характеру свойственна эмоциональность – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном волеизъявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [Вежбицкая 1996: 33–34]. Однако, учитывая все сказанное выше, логичнее предположить, что богатство глагольных средств для обозначения эмоций, скорее, является следствием характерной для русского языка установки на описание любых ситуаций как активных действий.

Как убедительно демонстрируют современные исследования в области системной лингвистики [Дремов 2001; Лутин 2007; Мельников 2012], установке на высокую предсказуемость продолжения высказывания подчинены и многие другие особенности русского языка на фонетическом, лексическом, словообразовательном и морфологическом уровнях, а также на уровне синтаксиса текста. Представляется, что системный подход к языку, представляющий собой творческое развитие лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, может быть продуктивно использован при создании методологической основы лингвистики XXI в.

## Литература

- Вежбицкая А., 1996, Русский язык [в:] А. Вежбицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва: Русские словари, с. 33–88.
- Гумбольдт В. фон, 1984, *Избранные труды по языкознанию*, Москва: Прогресс.
- Дремов А. Ф., 2001, Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного, *Мир русского слова*, № 1, с. 43–56; № 2, с. 78–85.
- Краткая философская энциклопедия*, 1994, Москва: Прогресс.
- Лутин С. А., 2007, *Русский генитив в функционально-семантическом аспекте*, Москва: Российский университет дружбы народов.
- Мельников Г. П., 2000, *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций*, Москва: Издательство Российского университета дружбы народов.

- Мельников Г. П., 2003а, Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики, *Вестник Российского университета дружбы народов*, № 4, с. 5–14; № 5, с. 11–20.
- Мельников Г. П., 2003б, *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*, Москва: Наука.
- Мельников Г. П., 2012, В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено, *Политическая лингвистика*, № 2 (40), с. 13–20.
- Мечковская Н. Б., 2006, Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределенность целей [в:] Н. Д. Арутюнова (ред.), *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*, Москва: Индрик, с. 30–41.
- Панов М. В., 2007, *Труды по общему языкознанию и русскому языку*, т. 2, Москва: Языки славянской культуры.
- Сепир Э., 1993, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва: Прогресс.
- Федосюк М. Ю., 2010, Зачем нужно изучать концепты [в:] Л. А. Константинова (ред.), *Сборник научных трудов, посвященный юбилею члена-корреспондента Российской академии образования и Российской академии словесности, доктора филологических наук, профессора Ольги Даниловны Митрофановой*, т. 1, Тула: Издательство ТулГУ, с. 97–104.
- Фортунатов Ф. Ф., 1956, *Избранные труды*, Москва: Учпедгиз.